

УДК 820

Д. Н. Жаткин, Ю. В. Холодкова

ТОМАС ГУД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕМИКЕ 1860-х – НАЧАЛА 1880-х гг.¹

Аннотация. В статье осуществлено осмысление особенностей литературно-критического восприятия творчества английского поэта Томаса Гуда в России в 1860-х – 1870-х гг. К анализу привлекаются литературно-критические, публицистические и эпистолярные материалы, относящиеся к деятельности русских писателей и литературных критиков 1860-х – 1870-х гг., воспринимавших произведения Гуда сквозь призму своих гражданских представлений и общественных взглядов. Отмечается преимущественное внимание к созданным Гудом в первой половине 1840-х гг. произведениям социальной тематики («Песня о рубашке», «Сон леди», «Часы рабочего дома», «Мост вздохов», «Песня работника»), обусловленное их созвучием общественным процессам в России эпохи Александра II. Подробно проанализированы наиболее значительные статьи о Томасе Гуде, написанные в рассматриваемый период М. Л. Михайловым и В. Д. Костомаровым, отмечены упоминания о Гуде в работах Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. И. Писарева, Д. Л. Мордовцева, В. П. Острогорского, осмыслена полемика вокруг наследия английского автора, начатая Н. К. Михайловским и получившая развитие в сочинениях Ф. М. Достоевского и Г. И. Успенского.

Ключевые слова: Томас Гуд, поэзия, русская журналистика, русско-английские историко-культурные и литературные связи, литературная критика, полемика, рецепция, компаративистика, художественная деталь.

Abstract. This article describes the comprehension of the literary – critical perception of the English writer Thomas Hood in Russia in 1860–1870. Literary – critical, journalistic, epistolary materials are referred to the activity of the Russian writers and literary critics of 1860–1870, who thought of Hood through their civil and public views. The prevailing attention is paid to Hood's works on the social themes written in early 1840s such as «The Song of the Shirt», «The Lady's Dream», «The Workhouse Clock», «The Bridge of Sighs», «The Lay of the Labourer». This attention finds the reflection in public processes in Russia in the reign of Alexander II. The most significant articles about Thomas Hood written in the mentioned period are analyzed in detail by M. L. Mikhailov and V. D. Kostomarov. Hood was also mentioned in the works of N. G. Chernyshevskiy, N. A. Nekrasov, M. E. Saltykov-Schedrin, D. I. Pisarev, D. L. Mordovtsev, V. P. Ostrogorsky. Begun by N. K. Mikhailovskiy, the controversy around the English author's heritage continued developing in the compositions by F. M. Dostoevskiy and G. U. Uspenskiy.

Key words: Thomas Hood, poetry, Russian journalistics, The Russian- English historic cultural and literary connections, literary criticism, controversy, reception, comparative study, artistic nicety.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт 16.740.11.0760 от 31.10.2011).

Английский поэт Томас Гуд (1799–1845) был практически неизвестен в России при жизни – единственная заметка о нем, появившаяся в № 8 «Отечественных записок» за 1840 г. и содержащая краткую характеристику повести «Up the Rhine» («Верхний Рейн») [1, с. 17], так и осталась незамеченной. Первой значительной публикацией о поэте в России стала напечатанная в 1848 г. на страницах «Литературной газеты» анонимная статья «Томас Гуд и юмористическая литература» [2, с. 108–112, 122–125], в которой, наряду с воссозданием достаточно полной картины творчества английского автора, подчеркивалось особое значение его произведений социальной тематики (таких как «Песня о рубашке», «Сон леди», «Часы рабочего дома», «Песня работника», «Мост вздохов»), отмечалась характерная сложность перевода «Песни о рубашке» с английского на другие языки, обусловленная сугубо английскими реалиями описания, спецификой национальной ментальности.

Не менее существенными для русского понимания Гуда были труды А. В. Дружинина, в частности, относящиеся к 1856–1857 гг. статья «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» и рецензии на «Очерки крестьянского быта» А. Ф. Писемского, повести Л. Н. Толстого «Метель» и «Два гусара», в которых констатировалось, что нет «причин <...> хвалить <...> автора известной “Song of the Shirt”», который, пробудив «в своих читателях благотворительные помыслы», заслужил славу практического человека, но при этом как поэт не смог избежать забвения: «<...> он перейдет в литературный архив и позабудется» [3, с. 216], не найдет себе покупателей ввиду избыточного дидактизма, назидательности, предпочтения в пользу сиюминутного и непрочного в его сравнении с вечным, всеохватным, лишенным субъективного начала [3, с. 187, 280; 4, с. 138]. Эта мысль Дружинина получила развитие в его отклике на английское издание полного собрания сочинений Гуда, опубликованном 8 (20) ноября 1863 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» [5, с. 1013–1014]. Анализируя жизнь и творчество английского поэта, критик утверждал, что, несмотря на талант, Гуд не сумел реализовать себя как настоящий литератор: «Обилие мелких дарований погубило в нем призвание поэта, и непрестанная будничная работа не дала ему возможности выступить перед светом во всем оружии своего блестящего таланта. Болезнь и черный труд из-за хлеба довели дело, окончательно отняли у поэта возможность трудиться для славы» [5, с. 1013]. Отдельно характеризуя «Песню о рубашке», написанную поэтом незадолго до смерти, Дружинин признавал, что «скорбное, но честное и святое слово» Гуда было сказано «без задора, без подстрекательства на вражду и насилие», однако оказалось подхваченным «в <...> темных и задорных кружках», явилось орудием для агитации, «средством для возбуждения опасных страстей в лондонских простолюдниках» [5, с. 1014].

Впрочем, развернувшиеся в Англии кампании волонтеров, стремившихся улучшить условия жизни и труда малоимущих слоев населения, стали заметным позитивным откликом на «Песню о рубашке» и подобные ей произведения. В России же, где по-прежнему господствовало крепостничество, реакция была совершенно иной, на что обратил внимание А. И. Герцен, отметивший в 1860 г. в статье «“Библиотека” – дочь Сенковского», что «слабые нервы петербургские не выносят таких ужасов, таких отвратительных картин...» [6, с. 268]. Подчеркивая искренность и правдивость «Песни о рубашке» Гуда, передавшей «страшное рыдание бедной needle woman» [6, с. 269],

критик признавал, что, в отличие от Европы, «в нашем литературно-ученом мире» не принято затрагивать уродливые стороны жизни [6, с. 268].

Упоминание о Томасе Гуде встречается в авторских пометах Н. А. Некрасова к своему стихотворению «Плач детей»: «Это стихотворение принадлежит в подлиннике одной английской писательнице <Элизабет Баррет-Браунинг> и пользуется там известностью, вроде как «Песня о рубашке» Т. Гуда, конечно, гораздо меньшею. Все остальное, что она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника; у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу» [7, с. 43]. Впоследствии упоминания в одном контексте «Плача детей» Э. Баррет-Браунинг и «Песни о рубашке» Т. Гуда стали традиционными. В частности, одно из таких упоминаний можно видеть в редакционном предисловии к публикации перевода романа Милисент Гаррет Фоусет «Дженни Донкастер» на страницах «Отечественных записок» в 1876 г.: «Наравне с первыми поэтами современной Англии, Теннисоном, Свинборном и Броунинг, автор поэмы «Аврора Ли» и известного стихотворения «Вопль детей», столь же красноречивой элегии, как «Песнь о рубашке» Томаса Гуда, и немало содействовавшей принятию в водах и копиях...» [8, с. 206].

О знакомстве Некрасова с творчеством Гуда свидетельствует также его письмо к Н. Г. Чернышевскому от 26 июня 1861 г.: «<...> я взял с собою несколько рукописей, чтоб выбрать что-нибудь для № 7. Читал, читал и лучше посылаемых двух рассказов <рассказ А. С. Афанасьева-Чужбинского «Из корнетской жизни» и очерк С. А. Макашина «Пролог к мещанской свадьбе»> ничего не нашел <...>; напечатайте их <...> да прибавьте «Утопленницу» из Т. Гуда» [9, с. 160]; в данном случае речь шла о переводе В. Д. Костомарова, напечатанном под названием «Мост вздохов» в № 7 «Современника» за 1861 г. В «<Записке с денежными расчетами для И. А. Панаева>», датированной сентябрем 1860 г., Некрасовым упомянут перевод «Песни о рубашке», выполненный М. Л. Михайловым и опубликованный в «Современнике» (1860, № 9) [7, с. 201].

В 1861 г. в «Современнике» увидел свет основанный на работах английских критиков и биографов очерк М. Л. Михайлова «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд», в котором Гуд характеризовался как «один из самых блестящих английских юмористов, один из самых благороднейших поэтов последнего времени» [10, с. 283], в чьем творчестве «нашли свой голос бедствия бедных классов» [10, с. 377]. Наряду с отмеченными, Михайловым использовался в работе и еще один важный источник – «Литературные воспоминания» самого Гуда, позволившие составить представление о характере юмора и комизма английского поэта; в статье воспоминания Гуда цитировались подробно и пространно, что помогало понять мировоззрение автора гораздо лучше, нежели «критические и эстетические разглагольствия» [10, с. 284].

В очерке, состоящем из одиннадцати глав, была последовательно раскрыта жизненная судьба Томаса Гуда, показан путь его творческих исканий, определены факторы, существенным образом повлиявшие на становление внутреннего мира поэта – смерть отца и брата, обеспечивавших благополучие семьи, банкротство, невостребованность в литературном деле. На протяжении всего творческого пути Гуд, по наблюдению М. Л. Михайлова, постоянно был в той ситуации, когда не приходилось выбирать, а если выбор и был,

то предпочтение вынужденно отдавалось не желанному, а необходимому: «Нельзя не жалеть, что так поздно обратился Томас Гуд к лучшей стороне своего таланта. <...> При мало-мальски большей свободе в выборе он, вероятно, не остановился бы так надолго на комических статьях и стихотворениях, которым всегда был легкий сбыт, тогда как произведениями серьезными он едва ли бы мог прокармливать себя и так скудно, как прокармливался своими шутками и каламбурами» [10, с. 358; 11, с. 12].

Михайлов привел в подстрочнике и проанализировал наиболее значительные произведения Гуда, отметив при этом его достижения и находки. Лучшей из ранних работ английского поэта можно было, по мнению критика, считать небольшую поэму «Сон Евгения Арама», которая одна способна «оставить надолго памятным имя Гуда» [10, с. 306]. Впрочем, вершиной творчества поэта стало, согласно Михайлову, все же другое произведение, изображавшее тяжелое положение женщины-швеи и направленное против эксплуатации женского труда: «<...> известность Томаса Гуда вне Англии будет всегда основана лишь на его произведениях в том роде, к которому принадлежит «Песня о рубашке», произведениях, которые, впрочем, и в английской литературе оставили самую прочную память о Гуде» [10, с. 358]. И действительно, «Песня о рубашке» получила наибольший резонанс в российском обществе, чаще других произведений Гуда переводилась на русский язык, причем один из лучших ее переводов принадлежит Михайлову.

В первой половине 1860-х гг. увидели свет две статьи о творчестве Гуда, подготовленные В. Д. Костомаровым: первая из них была напечатана под псевдонимом *-омар-* в «учено-литературном» журнале «Светоч» в 1862 г. [12, с. 1–34], вторая – за подписью *В. Д. -цкой* в апрельском номере «Библиотеки для чтения» за 1864 г. [13, с. 1–4].

Анализируя в «Светоче» творчество Гуда как литератора «по превосходству юмористического» [12, с. 1], Костомаров пытался объяснить причины и обстоятельства успеха его произведений среди английских читателей. Он отмечал конгениальность Гуда и его старшего современника Чарльза Лэма, автора «Очерков Элии», однако слава последнего оказалась, на его взгляд, менее значительной и более долговечной, тогда как высокая репутация Гуда-поэта, не будучи защищенной от воздействия времени «ни удивлением избранных, ни уважением людей, обладающих вкусом» [12, с. 9], показала свою непрочность. Последнее обстоятельство критик связывал с особенностями «бесшабашного насмешника, немилосердного шутника» [12, с. 10] Гуда, который был «воинствен, энергичен, остроумен, пылок, странен, смел, дерзок и непочтителен» [12, с. 9], тогда как Лэма характеризовали миролюбивость, сосредоточенность, терпение и деликатность. В этой связи юмор Гуда представлял, по наблюдению Костомарова, более желчным и резким, непримиримым по отношению ко многим сторонам жизни, отрицавшим атмосферу жеманных добродетелей и безрассудных пороков, превосходство самодовольных красавцев, наивность грубых простаков, а также господство «особенного политического наречия, маскирующего самые сумасбродные идеи» и «духовных кантов, скрывающих самые пошлые слабости» [12, с. 10]. Однако Гуд не видел своей основной задачи в создании пародии на человечество с его невзгодами, неправдами, мелочностью и пошлыми пороками, что приводило к появлению в его произведениях, наравне с язвительными каламбурами, «вспышек» искренних чувств, представлявших душу поэта – «возвышен-

ную и вместе низкую, как будто драгоценный камень, вставленный в оловянную оправу, который долго, очень долго принимали за негодный осколок стекла, блестящего неопределенным светом» [12, с. 11].

Приводя в своей статье отрывок из письма Барри Корнуолла Томасу Гуду, в котором торжественно признавались «высокие поэтические способности» адресата, а его успехи объявлялись «самыми завидными, самыми прочными» [12, с. 8], Костомаров выражал категорическое несогласие с этой позицией и соотносил Гуда с «бедным Йориком» – шекспировским образом-символом: «<...> всегда веселый, всегда печальный, – Гуд жил, как Йорик, растрачивая все способности своего мощного ума, “чтоб оживить застольную беседу”» [12, с. 10–11]. Критик выделял произведения Гуда, являвшиеся, по его мнению, наиболее удачными, и особо отмечал среди них «Песню о рубашке», заставившую «трепетать и плакать целую нацию» [12, с. 12]. В отношении «Песни о рубашке» Костомаровым вновь была выражена мысль о ее фактической непереводаемости в силу особой эксцентричности, своеобразной энергии, не передаваемой в полной мере средствами иного языка: «Как выразить по-русски, например, это место, удивительно рисующее истинное горе несчастной женщины, осужденной не только на голод и изнурение, но и на унижение получать отказы от гнусных скряг: “Stitch! stitch! stitch! / In poverty, hunger, and dirt...”. А сколько нужно слов, чтоб передать стихи, за тем следующие: “Sewing and onw, with double thread / Ex Shroud as well as a Shirt!”» [12, с. 14]. Эта «анафема бедняка, обращенная на богатого» [12, с. 16], была передана и во многих других стихотворениях Гуда социальной тематики, впрочем, менее успешных ввиду их однообразности, обусловленной, по мнению Костомарова, тем, что в таланте английского поэта «есть постоянный недостаток меры и вкуса» [12, с. 17].

На страницах «Библиотеки для чтения» Костомаров называл в качестве основной причины недостаточной известности Томаса Гуда в России, равно как и в других странах за пределами Англии, его особую манеру письма – «шутливую по <...> оригинально-местному колориту» и «серьезную по <...> сжатому языку» [13, с. 1], создававшую значительные трудности при переводе. Осмысливая отдельные тексты Гуда, он особо выделял своеобразный *трилистник*, включавший «Песню о рубашке», «Песню работника» и «Часы рабочего дома» и характеризовавшийся общностью тональности – «в высшей степени унылой и торжественной» [13, с. 4]. «Песня о рубашке» впервые охарактеризована в этой статье как «Марсельеза женского пролетариата», «гордый вопль нищеты» [13, с. 1], явившийся вслед за патетическими суждениями о судьбе рабочего класса, чартистскими памфлетами, суровыми размышлениями о вреде роскоши, уничтожающей внутреннюю сущность человека. Предлагая читателям свой перевод «Песни о рубашке», Костомаров вместе с тем признавал, что «нечего и думать о том, чтобы какой бы то ни было перевод мог передать весь эффект подлинника», поскольку для того, чтобы эффект этот был понятен, «нужен тот же каданс стиха, та же гармония созвучий, тот же неперемный порядок слов и точный, буквальный смысл всякого выражения» [13, с. 2], что совокупно невозможно представить в отдельно взятом переводе. Своей заслугой Костомаров считал сохранение «буквальной точности выражений», «торжественно-жалобной мелодии стиха» при воссоздании лучших мест произведения Гуда, таких, например, как почти шекспировское

по мысли и звучанию «Oh God! that bread should be so dear, / And flesh and blood so cheap!» [13, с. 2].

Стихотворение Гуда «Сон леди», несмотря на значительный общественный интерес к нему, с позиций Костомарова, вообще не заслуживало русской интерпретации, поскольку было «совершенно неудавшимся» [13, с. 3]. В «Песне работника» Костомарову как переводчику был особо интересен исторический факт, послуживший для Гуда толчком к созданию произведения – приговор, вынесенный присяжными молодому работнику Гиффорду Вайту, написавшему угрожающее письмо местным фермерам; в «Часах рабочего дома» его более других привлекала аллегоричность, несколько ослабленная в силу стремления поэта к эффектам и неожиданным антитезам. В статье Костомаров кратко пояснял обстоятельства, побудившие его как переводчика к определенным вольностям при интерпретации «Часов рабочего дома»: по его мнению, опущенное перечисление городских улиц нельзя было «читать иначе, как имея план Лондона перед глазами» [13, с. 3], к тому же, представляя в оригинале игру слов, это перечисление оказывалось на русском «полнейшей бессмыслицей вроде известного “по Гороховой пошел и гороху не нашел...”» [13, с. 4]; остались без перевода и последние девять стихов английского подлинника, состоящие из «страшных эвфуизмов»: «Уж я не знаю, кому понравилось бы это сближение искусственных часов – artificias dial, – “вызывающих десять и одиннадцать”, с теми “другими часами, более древними”, – часами, которые природа освещает своим солнцем и которые “получают свое время от неба” или, как перевел француз de Forgues, “которые заводит рука божия”» [13, с. 4].

Появление в 1864 г. сборника переводов В. Д. Костомарова «Избранные поэты Англии и Америки. № 1. Г. В. Лонгфелло, Елизавета Баррет Броунинг, Томас Гуд», увидевшего свет без указания имени переводчика, вызвало негативную реакцию анонимного рецензента «Русского слова», который в «Дневнике темного человека» неприязненно оценил тот факт, что все переводы, принадлежа одному человеку, были подписаны разными псевдонимами – А. Н-ский, В. К-в, В. Д-цкая: «Достал я эту книжку с переводами из Лонгфелло, Елизаветы Баррет Броунинг и Томаса Гуда. Имена переводчиков скрыты под такими подписями: А. Н-ский, В. К-в, В. Д-цкая. Начинаю читать и, благодаря своей памяти, припоминаю, что все эти переводы я встречал уже в журналах с подписью полной фамилии Всеволода Костомарова. <...> Что же это такое значит? Почему Всев. Костомаров раздробил свое имя на три псевдонима, на три отделения?» [14, с. 73]. В рецензии также отмечались посредственность костомаровских переводов и характерный для них недостаток художественной отделки, приводивший к появлению неудачных выражений типа «склизкого чела» [14, с. 73].

Помимо переводов, книга В. Д. Костомарова содержала и подготовленные им аналитические материалы о переведенных произведениях, причем суждения о «Песне о рубашке», «Песне работника», «Часах рабочего дома» были взяты из его статьи, ранее напечатанной в «Библиотеке для чтения». Стихотворение «I remember» характеризовалось как «воспоминание о детских годах поэта», имевшее большую известность на его родине, «Stanzas» – как «радостное приветствие жизни», ставшее в силу обстоятельств последним сочинением Гуда, «I love thee» – как «памятник первой любви поэта к мисс Рейнольдс, любви, свято и неизменно сохранившейся на всю жизнь»

(с Дженни Рейнольдс Томас Гуд долгие годы состоял в официальном браке), «The death bed» – как «одно из лучших стихотворений» поэта, вызванное смертью его сестры – Анны Гуд [15, с. 87]. Наиболее подробно Костомаровым характеризовался «Сон Евгения Арама», содержание которого есть «воплъ несчастья заслуженного, – скорбь, которую может утешить только богочеловеческая, то есть своя собственная сила» [15, с. 80]. Костомаров видел основную идею этого стихотворения в своеобразном восстановлении внутреннего мира, утверждении способности «благородного и человеческого поступка искупить подлое и бесчеловечное преступление», в результате чего, собственно, и происходило превращение Гудом рассказа с уголовным сюжетом в «бойко написанную картину», освещенную «последним отблеском идиллического вечера и первыми лучами новой утренней зари» [15, с. 86].

На основе материалов к тому времени уже покойного В. Д. Костомарова была подготовлена незавершенная анонимная статья о Томасе Гуде, напечатанная в газете «Народный голос» от 21 ноября 1867 г. [16, с. 595]; в содержательном плане она в значительной степени повторяла публикацию критика в «Библиотеке для чтения». Отличительной особенностью статьи стало указание при оценке «Сна Евгения Арама» на «величие стиха» [16, с. 595] Томаса Гуда и его умение использовать исторический материал при создании данного стихотворения.

Газета «Народный голос» постоянно привлекала внимание своих читателей к творчеству Томаса Гуда: помимо названной статьи, в октябре–декабре 1867 г. на страницах данного издания был опубликован ряд переводов В. Д. Костомарова – «Песня работника» (без подписи; в № 136 от 27 октября 1867 г.), «Песня о рубашке» (за подписью Вс. К-овъ; в № 139 от 8 ноября 1867 г.), «Часы рабочего дома» (без подписи; в № 149 от 21 ноября 1867 г.), «Сонет (It is not Death)» (без подписи; в № 150 от 26 ноября 1867 г.), «Сон Евгения Арама» (за подписью Вс. К-ровъ; в № 164 от 19 декабря 1867 г.). Тем самым можно говорить, что на протяжении определенного времени отношение к Томасу Гуду выступало в качестве одной из основных составляющих гражданской позиции «Народного голоса».

Материалы В. Д. Костомарова, наряду с некоторыми другими публикациями литераторов-предшественников, впоследствии стали основой для компилятивного текста о Томасе Гуде в четвертом томе «Истории всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах» В. Р. Зотова [17, с. 583–594]. Утверждая, что Томас Гуд «после Байрона – первый английский поэт нашего времени» [17, с. 583], Зотов, следуя более ранним материалам русской критики, проводил параллель между Чарльзом Лэмом и Томасом Гудом, причем отмечал у первого из них спокойствие, сосредоточенность в себе, терпение, деликатность, нежность, любезность, а у второго – энергичность, вспыльчивость, смелость, дерзость и непочтительность [17, с. 584]. В книге указывалось, что Гуд, «как все люди с смелым, творческим умом, не расположенные следовать преданиям, <...> заслужил много порицаний» [17, с. 590], однако, «несмотря на <...> недостатки и частое употребление во зло прекрасных способностей» [17, с. 592], он занял достойное место в английской литературе, в которой нашел своеобразную творческую нишу.

Деятельность В. Д. Костомарова как интерпретатора поэзии Томаса Гуда заинтересовала Н. Г. Чернышевского, о чем, в частности, свидетельствует

письмо последнего от 2 июля 1861 г., обращенное к переводчику: «Добрый друг, Всеволод Дмитриевич. Ваша пьеса «Мост вздохов» (или как это иначе называется? об утопленнице-то) печатается в VII книжке «Совр.» (за июль)» [18, с. 436]. Впрочем, Томас Гуд мог быть значим для Чернышевского и сам по себе, в особенности в свете работы над незавершенной статьей «Возвышенное и комическое» (1854), которая, как предполагалось, должна была стать вторым материалом цикла «Критический взгляд на современные эстетические понятия». В этой статье Чернышевский приходил к выводу, что пристрастие к юмору имеют люди, одушевленные величием «всего возвышенного, благородного, нравственного», чувствующие в себе «много благородства, много ума, истинно-человеческих достоинств», уважающие и любящие себя, однако при этом обладающие «деликатною, раздражительною и вместе с тем наблюдательною, беспристрастною натурою», способные разглядеть все «мелочное, жалкое, ничтожное, низкое», в том числе и в себе: «Сознавая свое внутреннее достоинство, человек, расположенный к юмору, очень хорошо видит все, что есть мелкого, невыгодного, смешного, низкого в его положении, в его наружности, в его характере. Все эти слабости, мелочи, которых так много почти во всяком человеке, тем невыносимее для него, чем восприимчивее, раздражительнее, нежнее его натура» [19, с. 188–189]. И хотя эти слова не были напрямую соотнесены с чьим-либо творчеством, можно уверенно говорить, что именно в них и заключалась суть той мировоззренческой шкалы, по которой Чернышевский осуществлял свою оценку как юмористической поэзии в целом, так и поэзии Гуда в частности.

Отдельные упоминания о литературной деятельности Гуда встречаются в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Писарева. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин в первой статье, опубликованной в «Современнике» под рубрикой «Петербургские театры» в 1863 г., упоминает при анализе творческой манеры драматурга Ф. Н. Устрялова, автора пьесы «Слово и дело», и соотношении ее с традицией тургеневских «Отцов и детей» популярную у русской демократической молодежи «Песню о рубашке»: «В начале пьесы он <Ф. Н. Устрялов> заставляет Вертяева рабски подражать Базарову, в конце – делает из него вроде Кирсанова-отца; недостает только дать ему скрипку в руки и заставить наигрывать, в ночной тиши, хоть не “Ritter Toggenburg”, а какую-нибудь песню “о рубашке”» [20, с. 169].

Д. И. Писарев в своей программной статье «Реалисты», впервые напечатанной с продолжением в № 9–11 журнала «Русское слово» за 1864 г., назвал Томаса Гуда в числе так называемых «полезных» поэтов, никогда не терявших связи с реальной действительностью, стремившихся соответствовать тенденциям общественного развития: «<...> могут быть названы полезными поэтами Барбье, Беранже, Леопарди, Джустини, Шелли, Томас Гуд и другие двигатели общественного сознания. Эти люди были поэтами текущей минуты; они будили в людях ощущение и сознание настоятельных потребностей современной гражданской жизни; они любили живых людей и возились постоянно с их действительными глупостями и страданиями» [21, с. 312–313].

Благодаря общественной полемике «Песня о рубашке» становится своеобразным образом-символом, о чем свидетельствует, например, обобщенное упоминание о ней Ф. М. Достоевским в IX статье «По поводу выставки» «Дневника писателя» 1873 г.: «Поверит ли один милый критик, кото-

рого я недавно читал, но которого называть теперь не хочу, – поверит ли он, что всякое художественное произведение без предвзятого направления, исполненное единственно из художнической потребности, и даже на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь “направительное”, – поверит ли этот критик, что такое произведение окажется гораздо полезнее для *его же целей*, чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей), хотя бы с виду и походило на то, что называют “удовлетворением праздного любопытства”?» [22, с. 72]. Как видим, Достоевский вступает в полемику относительно роли прямой тенденции в искусстве, причем, не отрицая ее значения, все же отдает предпочтение текстам, созданным «единственно из художнической потребности» и способным воздействовать на читателя эстетически, а не прямым назиданием.

Инициатором этой полемики был Н. К. Михайловский, утверждавший, что высокая художественность и тенденциозность не только не противоречат друг другу, но и наоборот – создают то единство, которое только и способно должным образом воздействовать на человеческие умы и души. В его заметке «Почему тенденциозная литература иногда дает замечательные художественные и научные результаты, а иногда нет» из цикла «Литературных и журнальных заметок», напечатанной в январском номере «Отечественных записок» за 1873 г., в качестве примера произведения, являющегося одновременно и тенденциозным, и высокохудожественным, приводилась «Песня о рубашке» Томаса Гуда: «Читали ли они <критики, ратующие за преимущественное развитие литературной техники> лирическое стихотворение, более высокохудожественное, чем «Песня о рубашке» Томаса Гуда? И знают ли они вместе с тем лирическое стихотворение более тенденциозное?» [23, с. 269].

В другой своей статье, посвященной литературной деятельности Г. И. Успенского, Н. К. Михайловский, излагая творческие представления анализируемого им автора, провел значимую для последнего параллель между швеей Томаса Гуда и пахарем из стихотворений А. В. Кольцова, промышленным и земледельческим трудом, «культурным» и «народным» бытом, сопровождавшуюся, в духе народофильских представлений, идеализацией жизни крестьянина как подлинной, естественной: «Швея, фигурирующая в «Песне о рубашке» Томаса Гуда, работает столько же, как и пахарь, фигурирующий в песнях Кольцова, им обоим “дохнуть некогда”, но около первой сгустились облака горя, страдания, скорби, а около второго – сколько света, тепла, радости. <...> Нужна, возможна и уже существует жизнь <...>. Это – жизнь земледельца, “народный быт”, которому противопоставляется “культурный быт”» [24, с. LXI–LXII]. Раскрывая позицию Г. И. Успенского, считавшего, что именно в атмосфере «культурного» быта и развивается «труженичество», полное страданий, лишений, скорби, тягот, но при этом далекое от настоящей трудовой жизни, «жизни “во всю”, широкой жизни, полной наслаждений, хотя и полной труда» [24, с. LXI], Н. К. Михайловский вступал с ним в открытую полемику: «<...> хотя земледельческий быт несомненно представляет известные гарантии для гармонического сочетания “разнообразнейших впечатлений” и полноты жизни, но разве уж так резко отличается по существу иной батрак-земледелец от швеи Томаса Гуда?» [24, с. LXI]. Анализируя «Записки маленького человека» Г. И. Успенского, Н. К. Михайловский вновь использовал при описании людей, живших постоянным тру-

дом, символический образ английской швеи: «<...> наши герои – “труженики”, им “дохнуть некогда”, они всю свою жизнь не живут, а только добывают средства к жизни. Это – те же швеи Томаса Гуда, которым сказано: “шей, шей, шей!”» [24, с. LXIII]. Будучи искренне убежденным в том, что укеры и наставления должны направляться не к трудовым людям, а к порождающему социальное зло, «пристегивающему людей к ненавистному, ненужному, чужому им делу» [24, с. LXIV] общественному строю, Н. К. Михайловский высказывал аргументы в пользу человека подневольного труда, в котором сама жизнь сформировала чувство постоянной вины, некую болезненную совесть («Все они перед кем-то виноваты, а перед ними будто бы и никто не виноват» [24, с. LXIV]), и сразу же задавался риторическим вопросом, содержащим образ-символ из «Песни о рубашке»: «Но перед кем же виновата швея Томаса Гуда?» [24, с. LXIV].

Впрочем, вступая в полемику с Г. И. Успенским, Н. К. Михайловский не совсем точно интерпретировал его взгляды, выраженные при сопоставлении швейного и земледельческого труда. Для Успенского жизнь крестьянина была, прежде всего, наполнена впечатлениями, которые, собственно говоря, и отразились с наибольшей силой в поэзии А. В. Кольцова, в чьей «песне косца – все прелесть и радость», «в душе тепло и свет», тогда как в песне Гуда «о трудящейся швее – все горе, страдание и скорбь бесконечная»; на ее место можно променять «разве только тюрьму да могилу» [25, с. 9]. В статье «“Трудовая жизнь” и “труженичество” (Литературные и общественные заметки)» Успенский отмечал, что «в трудовой жизни важен и нужен вовсе не гнет труда, не тяжесть его, не лишения, с ним сопряженные, ни даже “смирение”, которое у нас также еще непонятно зачем пристегивают к понятию о трудовой жизни, <...> не серые щи, не доски вместо постели, не <...> унижение и вовсе не то только, что выражается словами “сам своими руками”» [25, с. 9], – важно, прежде всего, разнообразие впечатлений, позволяющее удовлетворять требованиям духовной и физической природы человека; по мнению писателя, на «трудовой, народной, земледельческой жизни» основан сам «строй народной общественной трудовой жизни» [25, с. 9] как близкая к идеалу форма социального устройства. Также для Успенского представлялась существенной тема тяжелой женской доли, причем положение русской бабы-крестьянки было, на его взгляд, гораздо более угнетенным, нежели положение швеи Гуда, и при этом все же более естественным, соответствовавшим природному укладу жизни, а потому даже отчасти не внушавшим ужаса и сожаления: «Сравните количество труда деревенской бабы и той же самой швеи Томаса Гуда. Где этого труда больше? Бабе нужно сделать все самой: она родит, воспитывает детей, нянчит их, кормит, сама одевается и одевает всех, ходит за скотиной, за птицей, носит дрова, – одним словом, глядя со стороны, минуты у нее нет покою. А швея только шьет, – ни поднять тяжелого ведра, ни пойти за скотиной в поле, ни стряпать, ни ткать, ни прясть, ни жать – ничего этого не нужно, только – шей, шей, шей!... А, ведь, положение швеи ужасно, тогда как положение бабы вовсе не внушает ужаса. Баба живет вся, а швея высосана нелепым строем жизни, истощена, как земля хищником, который пять лет подряд собирает с нее только пшеницу, т. е. тоже – шей, шей, шей!» [25, с. 10–11]. Как видим, стремление Успенского к идеализации простой земледельческой жизни сочеталось с осознанием социальных проти-

воречий, преодоление которых виделось ему, отчасти, в приобщении к миру истонченных ценностей, к простоте жизни.

Упоминания «Песни о рубашке» встречаются в работах многих современников Н. К. Михайловского и Г. И. Успенского, среди которых прежде всего следует назвать В. П. Острогорского и Д. Л. Мордовцева. Так, В. П. Острогорский упомянул о Гуде и его произведении в 1888 г. в концовке очерка, приуроченного к годовщине смерти Н. Г. Помяловского: «На могиле английского поэта Томаса Гуда написано: он пропел *Песнь о рубашке*; на скромной могиле Помяловского можно было бы написать: он спел четыре грустные песни: *о бурсе, о кисейной барышне, о мещанском счастье и кладбищенстве*» [26, с. 18]. Д. Л. Мордовцев в статье «Историческое значение Некрасова» предложил свое видение основных обстоятельств, позволивших, на его взгляд, говорить о бессмертии «Песни о рубашке»: «Мы не можем не выразить удивления, что из всех писавших о Некрасове, да и после смерти поэта, только один понял и справедливо оценил историческое значение его песни: это – неизвестный автор небольшого стихотворения «На смерть Некрасова», помещенного в 1<-ой> кн. «Отечеств<енных> запис<ок>» 1878 г. Одна строфа этого стихотворения говорит: «О, долговечны вы, песни, поющие / Муки народные, по сердцу бьющие! / Песне твоей, о, страданий певец, / Будет не скоро желанный конец: / Там он, где горе людское кончается, / Там он, где счастья заря занимается...». Это глубокая мысль. Оттого и «Песня о рубашке» Гуда бессмертна» [27, с. 188].

В 1875 г. за подписью R в «Вестнике Европы» увидела свет «Корреспонденция из Лондона» А. Реньяра, содержащая «дикий пример влияния поэзии на развитие сердца, если не ума» [28, с. 398]. Поведая о судьбе Евгения Арама, реального исторического персонажа – школьного учителя из Йоркшира, обвиненного в убийстве башмачника Кларка и сознавшегося в преступлении, впоследствии героя романа Э. Бульвер-Литтона «Евгений Арам» и стихотворения Томаса Гуда «Сон Евгения Арама» («Этот школьный учитель <...> был человек необыкновенный. Сын простого садовника, он забрал себе в голову, что сделается ученым, и один, без помощи учителя, научился латинскому, греческому, еврейскому и кельтскому языкам; он оставил недоконченным сравнительный словарь этих языков. Он сам защищал себя с необыкновенным талантом, но был признан виновным, сознался в преступлении и, после неудавшейся попытки самоубийства, был повешен <...> в Йорке в 1739 г.» [28, с. 399]), А. Реньяр сообщал о своем современнике Генри Уэпрайте, образованном молодом человеке, сыне почтенного коммерсанта, члене клуба Шеридана, организаторе публичных чтений в Лондоне и провинции, который, начитавшись о Евгении Араме, решился на повторение его поступка. Причем именно стихотворение Гуда, как особо любимое Генри Уэпрайтом, имело в данном случае решающее влияние. Приводя стихи «Ay! through he's buried in a cave / And trodden down with stones / And years have rotted off his flesh / The world shall see his bones!» (вместе с их подстрочным переводом «Увы! хотя бы он был зарыт в погреб или завален камнями, и хотя бы время уничтожило его истлевшее тело, мир увидит его кости!»), Реньяр признавал, что при их чтении «Уэпрайт был великолепен», у слушателей «волосы становились дыбом на голове» [28, с. 400]; впрочем, на самого чтеца «стихи эти не производили такого сильного впечатления, если только не признать, что ему хотелось доставить pendant к истории Евгения Арама»

[28, с. 400], что является интересным вопросом для изучения психологами и криминалистами.

В антологии Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875) помещен предварявший публикацию переводов биографический материал о литературной деятельности Гуда, чья «поэзия <...> была вполне искренна», гармонически соединила «глубокое, строгое и серьезное чувство и ясный, гуманный и проницательный взгляд на жизнь с почти младенческой беззаботностью и веселостью, к каким способны только чистые и добрые души» [29, с. 367]. Признавая значительность юмористического направления в творчестве Гуда, Н. В. Гербель все же называл его вершинными достижениями стихи, посвященные человеческим страданиям, – такие как «Часы рабочего дома», где «унылой и грозной процессией проходят перед глазами поэта миллионы голодных и оборванных работников, от ропота которых гул стоит над туманным Лондоном» [29, с. 367].

Длительное восприятие поэзии Гуда как имевшей социальную направленность, показывавшей нищету рабочего люда, во многом подготавливавшей будущие революционные процессы привело к тому, что с 1980-х гг., началом изменений в общественной жизни, творчество английского автора стало во многом неактуальным. И только в начале XXI в. в трехтомной антологии «Семь веков английской поэзии: Англия. Шотландия. Ирландия. Уэльс», включавшей ранее не публиковавшиеся переводы из Томаса Гуда А. Голембы, Е. В. Витковского, Е. Д. Фельдмана, произошло смещение акцентов восприятия его творческого наследия, которое представляло во всем его многообразии; в биографической справке о поэте отмечались известность книги Гуда «Оды и обращение к великим людям», изобретение им графики picture-puns, обыгрывавшей поэтические образы, издание журнала «Hood's Monthly Magazine», создание пьес и романов [30, с. 842], но ничего не говорилось ни о «Песне о рубашке», ни о других произведениях, долгое время обуславливавших широкую популярность поэта в России. Очевидно, что в этом отразились приоритеты нового времени, характерное стремление к осмыслению вечных образов, далеких как от конкретных общественных ситуаций, так и от протестной социальной тематики.

Список литературы

1. Английская литература // Отечественные записки. – 1840. – № 8. – Отд. VI. Библиографическая хроника. Иностранная литература. – С. 12–20.
2. Томас Гуд и юмористическая литература // Литературная газета. – 1848. – № 7. – 12 февр. – С. 108–112 ; № 8. – 19 февр. – С. 122–125.
3. **Дружинин, А. В.** «Метель» и «Два гусара». Повести графа Л. Н. Толстого; Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения; «Очерки из крестьянского быта». Соч. А. Ф. Писемского / А. В. Дружинин // Дружинин А. В. Собрание сочинений : в 8 т. – СПб. : Тип. Императорской АН, 1865. – Т. 7. – С. 168–188, 189–241, 257–285.
4. **Жаткин, Д. Н.** Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840–1850-х гг. / Д. Н. Жаткин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2008. – № 3. – С. 137–144.
5. **Д. <Дружинин, А. В.>** Полное собрание сочинений Томаса Гуда с комментариями, изданное его сыном; 7 томов / Д. <А. В. Дружинин> // Санкт-Петербургские ведомости. – 1863. – № 249. – 8 (20) нояб. – С. 1013–1014.

6. **Герцен, А. И.** «Библиотека» – дочь Сенковского / А. И. Герцен // Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 266–271.
7. **Некрасов, Н. А.** <Авторские пометы на I и II томах «Стихотворений» (СПб., 1873)>; <Записка с денежными расчетами для И. А. Панаева> / Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 13, Кн. 2. – С. 41–45, 200–201.
8. <Предисловие к публикации романа Милисент Гаррет Фоусет «Дженни Донкастер»> // Отечественные записки. – 1876. – Т. 228, № 9. – С. 205–212.
9. **Некрасов, Н. А.** Письмо Н. А. Чернышевскому от 26 июня 1861 г. / Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 14, кн. 2. – С. 160.
10. **Михайлов, М. Л.** Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд / М. Л. Михайлов // Современник. – 1861. – Т. 85, № 1. – С. 283–318 ; Т. 88, № 8. – С. 357–390.
11. **Жаткин, Д. Н.** «Чаша жизни» в русской поэзии / Д. Н. Жаткин // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 9–13.
12. – омар – [Костомаров, В. Д.]. Томас Гуд / – омар – [В. Д. Костомаров] // Светоч. – 1862. – Кн. IV. – С. 1–34.
13. **Д-цкой, В. [Костомаров, В. Д.]** Примечание / В. Д-цкой [В. Д. Костомаров] // Библиотека для чтения. – 1864. – № 4. – С. 1–4.
14. Дневник темного человека // Русское слово. – 1864. – № 8. – С. 57–75.
15. **[Костомаров, В. Д.]** Примечания // Избранные поэты Англии и Америки. № 1. Г. В. Лонгфелло, Елизавета Баррет Броунинг, Томас Гуд. – СПб. : Тип. Э. Метцига, 1864. – С. 75–87.
16. Томас Гуд // Народный голос. – 1867. – № 149. – 21 нояб. – С. 595.
17. **Зотов, В. Р.** История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах : в 4 т. / В. Р. Зотов. – СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1882. – Т. 4. – 807 с.
18. **Чернышевский, Н. Г.** Письмо В. Д. Костомарову от 2 июля 1861 г. / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М. : ОГИЗ, 1949. – Т. XIV. – С. 436.
19. **Чернышевский, Н. Г.** Возвышенное и комическое / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. – М. : ОГИЗ, 1949. – Т. II. – С. 159–195.
20. **Салтыков-Щедрин, М. Е.** Петербургские театры <«Слово и дело». Комедия в пяти действиях Ф. Устрялова. «Карл Смелый». Опера в трех действиях, музыка Дж. Россини> / М. Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. – М. : Худ. лит., 1966. – Т. 5. – С. 163–181.
21. **Писарев, Д. И.** Реалисты / Д. И. Писарев // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. – М. : Наука, 2003. – Т. 6. – С. 222–353.
22. **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя. 1873. Статья IX. По поводу выставки / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Л. : Наука, 1980. – Т. 21. – С. 68–77.
23. **Михайловский, Н. К.** Из литературных и журнальных заметок 1873 г. Январь 1873 г. / Н. К. Михайловский // Михайловский Н. К. Сочинения : в 4 т. – Изд. 2-е. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1888. – Т. 2. – С. 235–271.
24. **Михайловский, Н. К.** Г. И. Успенский как писатель и человек / Н. К. Михайловский // Успенский Г. И. Полное собрание сочинений : в 6 т. – Изд. 6-е. – СПб. : Т-во А. Ф. Маркс, 1908. – Т. 1. – С. XII–XCVI.
25. **Успенский, Г. И.** «Трудовая жизнь» и «труженичество» (Литературные и общественные заметки) / Г. И. Успенский // Русская мысль. – 1887. – № 9. – Отд. II. – С. 1–28.
26. **Острогорский, В. П.** Николай Герасимович Помяловский (По поводу двадцатипятилетия со дня его смерти) / В. П. Острогорский // Русская мысль. – 1888. – № 10. – Отд. II. – С. 1–18.

27. **Мордовцев, Д. Л.** Историческое значение Некрасова как поэта / Д. Л. Мордовцев // Мордовцев Д. Л. Исторические пропилеи : в 2 т. – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 2. – С. 182–191.
28. **Р. <Реньяр, А.>** Корреспонденция из Лондона / Р. <А. Реньяр> // Вестник Европы. – 1875. – № 11. – С. 386–401.
29. **Гербель, Н. В.** Томас Гуд / Н. В. Гербель // Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н. В. Гербель. – СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1875. – С. 364–367.
30. Биографические справки // Семь веков английской поэзии: Англия. Шотландия. Ирландия. Уэльс : в 3 кн. – М. : Водолей Publishers, 2007. – Кн. 3. – С. 810–961.
-

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения, Пензенская
государственная технологическая
академия, академик Международной
академии наук педагогического
образования, член Союза писателей
России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of interpretation
and translation science, Penza State
Technological Academy, fellow
of the International Academy of sciences
of pedagogical education, Russian
Writers' Union member, Russian
Journalists' Union member

Холодкова Юлия Владимировна

старший преподаватель, кафедра
перевода и переводоведения,
Пензенская государственная
технологическая академия

E-mail: Julia.kholodkova@yandex.ru

Kholodkova Yuliya Vladimirovna

Senior lecturer, sub-department
of interpretation and translation
science, Penza State Technological
Academy

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

Томас Гуд в русской литературной критике и общественной полемике 1860-х – начала 1880-х гг. / Д. Н. Жаткин, Ю. В. Холодкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 69–82.